

Уклонение от открытых конфликтов и «русский бунт»

*Устав от вас, враги, от вас, друзья
И от уклончивости речи русской...*
(Марина Цветаева)

Легендарную пассивность носителей русской культуры, готовность терпеть самые грубые несправедливости до самой последней возможности принято объяснять «властью пространств над русской душой»: в России в отличие от Европы редко «припирали к стенке» население — почти всегда было куда бежать, и страна расширялась именно за счет такого бегства.

Важную роль в формировании этой черты играли и длительное жестокое угнетение, и скудость ресурсов, ограничивающая материальную базу любого сопротивления и тем самым делающая его исключительно рискованным, и европейское ощущение ценности своей жизни (рисковать которой оказывалось значительно труднее, чем в слитно-роевых традиционных азиатских обществах).

Терпение исторического русского, прошлого советского и современного российского народов, продиктованное общей для них русской культурой (да-да, не стоит забывать, что у нас на одну культуру — три народа, пусть даже и последовательно, а не одновременно), создает колоссальный соблазн и одновременно вызов любой системе управления.

Она достаточно быстро обнаруживает, что общество прощает ей почти любые ошибки и притеснения и при этом почти не тратит сил (в силу не только пассивности, но и общей скудости ресурсов) не только на принуждение ее к нужным для него решениям, но и на простую обратную связь с ней. В результате у системы возникает ошибочное ощущение полной безнаказанности практически любого произвола по отношению к обществу. Практическая реализация этого ощущения ведет к незаметному для нее, подспудному нарастанию общественного недовольства, которое не проявляется в резкой и отчетливой форме до тех пор, пока не разряжается — внезапно для правящей элиты и с крайней разрушительностью.

Разрушительность эта вызвана, как ни парадоксально, симбиотическим сосуществованием общества и государства. В этих условиях протест против государства оказывается для общества невероятно трудным и сложным делом; общество восстает не на чуждые ему посторонние силы, а по сути дела на самое себя.

В результате его врагом становится не враждебный ему и стесняющий его порядок, созданный государством, но любой порядок как таковой. Ведь слитное с государством общество в принципе не ощущает возможности существования другого порядка, кроме созданного «его» государством.

Вынужденное выступление против государства, воспринимаемого как «плоть от плоти» общества, становится его величайшей, мучительной трагедией. Доведенное этим до крайности, общество взрывается не осознанным и направленным на конкретные проблемы и недостатки протестом, но принципиальным, всеобъемлющим отказом подчиняться дискредитировавшей себя системе управления, в том числе и в тех сферах жизни, в которых та действовала разумно и никакого недовольства со стороны общества не вызывала.

Общим правилом является не только самоочевидное использование этого недовольства внешними конкурентами (от половцев до американцев), но и менее осознаваемое аналитиками неизбежное расслоение, внутреннее разделение и раздробление правящей элиты под действием обычно не осознаваемого ею самой мощного «силового поля» растущего общественного недовольства. Это внутреннее раздробление управляющей системы и ее периферии также многократно усугубляет разрушительность общественного взрыва (в том числе облегчением внешнего влияния), однако оно же обеспечивает управляющей системе необходимую гибкость и жизнеспособность, так как в ней еще до взрыва появляются не только идейные, но порой и организационные зачатки будущего, посткатастрофического устройства.

Трудовая культура

Особенность русской культуры — органическая неспособность ее носителя существовать без «сверхзадачи», без некоей цели, возвышающейся далеко над его повседневным существованием и придающей этому существованию философский смысл.

По известной притче, мы органически не способны не только «таскать эти треклятые камни», но даже и «зарабатывать на жизнь своей семье» — по-настоящему хорошо мы можем только «строить Руанский собор».

Потребность в «сверхзадаче» вместе с тягой к справедливости сформировали в рамках русской культуры весьма специфический тип трудовой мотивации, ориентированной на деньги и в целом потребление лишь преимущественно как символ этой справедливости.

Поэтому само по себе стимулирование работника рублем, что доказала вся практика последней четверти века (да и более ранние эксперименты с «хозрасчетом», начатые еще в 20-е годы), оказывается совершенно недостаточным, что многократно усложняет задачу системы управления. Простое для нее материальное стимулирование эффективно лишь при наличии внятно осознаваемой «сверхзадачи» (поэтому политические пропагандисты, а до них священники выполняли, по сути, непосредственно производственную функцию), но самое главное — его безусловная вторичность по сравнению с одобрением окружающих, являющимся непосредственным доказательством «справедливости» тех или иных действий одобряемого.

Источник такой зависимости от мнения коллег по работе (равно как и общего для россиян стремления к «миру и согласию», пусть даже в ущерб собственным интересам и самой справедливости, вызывающее в целом враждебное отношение к «мании правдоискательства») — соседский характер российской общины и в целом сельской жизни. Грубо говоря, ставший врагом сосед легко может сжечь ваш дом, тем самым уничтожив ваше благосостояние и пустив вас по миру, — поэтому с ним лучше ладить. Тысячелетняя жизнь в условиях практической реализации этой «доктрины гарантированного взаимоуничтожения», безусловно, наложила огромный отпечаток на русский национальный характер, — но как минимум не меньшее влияние на формирование трудовой мотивации наложила все же экзистенциальная тяга к справедливости.

Важной особенностью русской культуры, выявленной в начале XX века зарубежными социологами и впечатлившей их до такой степени, что они ввели термин «русский способ производства», является склонность к штучной уникальной работе, но не массовой монотонной. Это связано и с органической потребностью в «сверхзадаче», с идеей которой монотонная простая работа связывается намного труднее, чем с «подковыванием блохи», и к индивидуальному ремесленничеству крестьян (зимой или при отпуске «на оборок»).

Таким образом, еще до появления конвейера была выявлена непригодность к нему русской культуры: выполнять монотонные однородные операции просто скучно, и поэтому наша страна делала прекрасные относительно сложные машины (вроде боевых самолетов) и хронически не справлялась с более массовым и более простым производством легковых автомобилей.

Интересно, что бригадный подряд (вводимый в 70-е годы не только в нашей стране, но и, например, в Японии и США), позволяя уйти от конвейера и расширить сферу компетенций каждого работника, сделав его труд более творческим (или хотя бы менее монотонным), соответствовал объективным потребностям русской культуры. При бригадном подряде характер труда приближался к традиционному для нас артельному.

«Русский способ производства» при правильном использовании выведет российское общество из положения заведомо непосильной для него конкуренции с Китаем (ибо мы как работники всегда будем стоить дороже и всегда будем менее организованными и трудолюбивыми) в положение гармонического дополнения его. Ведь культура Юго-Восточной Азии идеально соответствует потребностям именно конвейерного производства, а русская культура позволяет развивать производство более сложных, «штучных» изделий.

Ключевые пороки русской культуры

Конечно, говоря о позитивных в целом особенностях нашей культуры (равно как и сочетающих в себе позитивные и негативные последствия для общественного развития), нельзя закрывать глаза и на ее безусловно вредные черты, на протяжении как минимум столетий мешающие нам нормально жить и развиваться.

Самый главный, едва ли не фатальный порок носителей русской культуры — боязнь счастья и инстинктивное бегство от него как от греха, неумение и, главное, искреннее нежелание любить себя и принимать себя таким,

каков ты есть. Прекрасный стимул как для личного самосовершенствования, так и (при грамотном использовании со стороны управляющих систем) для общественной модернизации, это качество обрекает значительную часть народа на хроническое неблагополучие, как материальное, так и, в первую очередь, психологическое, которое, проявляясь в значительных масштабах, подрывает конкурентоспособность общества.

Названное выше уклонение от конфликта до последней черты, по достижении которой следует неожиданный для привыкшего к отсутствию сопротивления взрыв, в тактическом плане удобно для управляющей системы, но в стратегическом плане является колоссальной проблемой. Именно эта черта вкупе с получением нефтедолларов стала причиной окончательного отказа от построения в Советском Союзе общества массового потребления, который и привел к его краху.

Несмотря на индустриализацию (и даже информатизацию), русская культура, российский образ жизни по своей природе остались глубоко сельскохозяйственными. Это проявляется не только в традиционных катастрофах и принятии стратегических решений в августе, не только в осеннем всплеске свадеб даже у горожан.

Крестьянин, подчиняясь естественной смене времен года, привыкает уже хотя бы в силу только этого к «внешнему управлению» — и весьма естественно переходит от подчинения природным силам к подчинению силам общественным (и даже иностранным).

Однако главное проявление сельского характера русской культуры — авральный, крайне неравномерный характер как труда, так и всей жизни в целом. Крестьянин привык, что периоды исключительно интенсивной работы (посевная и особенно уборка урожая, когда «один день год кормит») перемежаются с длительным зимним периодом хронического безделья. В результате добросовестное планирование в нашей стране вынуждено учитывать, что трудовой цикл начинается с длительного периода «раскачки», за которым следует нормальная работа «в охотку», сменяющаяся диким «авралом», в ходе которого могут быть как значительно перевыполнены первоначальные задания, так и разрушено все, что можно разрушить — от оборудования до человеческих отношений.

Однако внятный учет этой и других особенностей русской культуры позволяет, как многократно показывала практика, добиваться непредставимых для иных культур, поистине фантастических результатов.

Добьемся их и мы — в уже обозримом будущем.

Если, конечно, от усталости и отчаяния не согласимся на вбиваемые нам в голову нашими конкурентами убийственные идеи самооскопления по этническому, национальному или религиозному принципам.

Автор: Михаил Делягин © Ежедневный журнал ОБЩЕСТВО, МИР 👁 3491 24.11.2009, 15:14 ↻ 274
URL: <https://babr24.com/?ADE=82390> Bytes: 10587 / 10558 Версия для печати

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)
- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:
newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Михаил Делягин.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](https://t.me/babr24_link_bot)
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](https://t.me/bur24_link_bot)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](https://t.me/irk24_link_bot)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](https://t.me/kras24_link_bot)

эл.почта: kraasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](https://t.me/nsk24_link_bot)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](https://t.me/tomsk24_link_bot)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: [@babrobot_bot](https://t.me/babrobot_bot)

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)